

УДК 821.111-13 «17»

Т.М.Потніцева
Т.Н.Потніцева
T.N.Potnitseva

(*Oles Honchar Dnipro National University*
Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара)

**ПРО НЕРОЗСУДЛИВІСТЬ ЖІНКИ І НЕ ТІЛЬКИ
(ПОЕТИЧНІ МІНІАТЮРИ О.ГОЛДСМІТА ПРО КОХАННЯ)
О БЕЗРАССУДСТВАХ ЖЕНЩИНЫ И НЕ ТОЛЬКО
(ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ О.ГОЛДСМІТА О ЛЮБВИ)
ABOUT RECKLESSNESS AND NOT ONLY ABOUT IT
(O.GOLDSMITH'S POETIC MINIATURES ABOUT LOVE)**

У фокусі дослідження дві поетичних мініатюри про любов англійського письменника ХУІІІ століття О.Голдсмита, у яких відображено своєрідність манери письменника та основні художні й ідеологічні тенденції його часу. Ця своєрідність знаходить свій прояв, перш за все, у змішенні різних стилів і пафосу – серйозного та грайливого. Все це дослідники співвідносять не тільки з індивідуальною манерою О. Голдсмита, а й з естетикою рококо.

Интерес до творчості Голдсмита сьогодні зростає. Це підтверджує певна кількість досліджень, дисертацій, які щойно з'явилися. Але, що стосується українських літературних студій, треба погодитись з судженням Д.Чік у тому, що літературна спадщина Голдсмита ще не була об'єктом спеціальної уваги дослідників.

Обидва вірша англійського письменника ХУІІІ століття, що пропонуються для розгляду, обіграють ту специфічну сторону кохання, яка знаходиться за рамками «узаконених пристойностей», але які приваблюють увагу поета за багатьма причинами набагато більше, ніж будь який із звичних «морально витриманих сюжетів про кохання. Обрані для аналізу вірші втілюють думку автора про мікрокосм людського буття, де є свої «божевільні закони», де можливо весело, а не тільки «песимістично», як стверджував Д.Затонський, «розмірковувати про пороки індивідуальних людських відносин до буття», де можливо «рішуче скасувати регламент і респектабельність». Все це, безумовно, робило О.Голдсмита провісником романтизму.

Жартівливі вірші про кохання долучають до себе, як стає очевидним, багато з того, що виходить за межі теми, яку обирає Голдсміт. «Приваблива жінка» виявилася конкретизованим образом впізнаною пересічною людиною, однією з тих численних «добрих людей», до яких автор часто-густо апелює, яким симпатизує і яких він любить так сильно.

Досліджуючи різноманітність людської сутності, Голдсміт відкриває деякі загальні правила буття, про які розмірковує у своїй творчості.

У парадоксальній зустрічі серйозного та комічного як у сюжеті поетичних мініатюр, так і в стилі О.Голдсміт по своєму втілює своє прийняття людини такою, якою вона є, зі всіма її слабкості ми та пороками. Грайлива складова поезії письменників ХУІІІ ст. і творчості О.Голдсмита зокрема є знаком вільного дихання поетичної душі, яка відкидає стереотипи та «правила», які вже вичерпали себе.

Ключові слова: рококо, ігровий початок, синтез, парадокс, стильовий контраст

В фокусе внимания – две поэтические миниатюры о любви английского писателя ХУІІІ века О.Голдсмита, в которых отражено своеобразие манеры писателя и основные художественные и идеологические тенденции его времени. Это своеобразие проявляется, прежде всего, в смешении разных стилей и пафоса – серьезного и игрового. Все это исследователи соотносят не только с индивидуальной манерой О.Голдсмита, но и с эстетикой рококо

Оба стихотворения обыгрывают ту специфичную сторону любви, которая находится за рамками «узаконенных» приличий, но привлекает поэта по многим причинам гораздо больше, чем любой из привычных «нравственно-выдержанных» любовных сюжетов. Выбранная для анализа поэзия, воплощает мысли поэта о микрокосме человеческого бытия, где есть свои «безумные» законы, где возможно весело, а не только «пессимистически», как думал Дм.Затонский, «размышлять о пороках индивидуального человеческого отношения к бытию», где возможно «решительно отменить регламент и респектабельность». Все это, безусловно, делало Голдсмита предвестником романтизма

В парадоксальной встрече серьезного и комического – как в сюжете поэтических миниатюр, так и в стиле О.Голдсмит по-своему выражает свое приятие человека таким, каков он есть, со всеми его пороками и слабостями. Игровое начало в поэзии писателей XVIII века и в творчестве О.Голдсмита, в частности, есть знак свободного дыхания поэтической души, отвергающей уже исчерпавшие себя стереотипы и «правила».

Ключевые слова: рококо, игровое начало, синтез, парадокс, стиливой контраст

The paper focuses on two poetic miniatures about love by the English writer of the XVIII th century O.Goldsmith. These miniatures embody the specificity of the writer's manner and the main artistic and ideological tendencies of the time. That specificity finds its expression first of all in the mixture of different styles and pathos – serious and playful. All that scholars correlate not only with Goldsmith's individual manner but with the aesthetic of rococo.

The interest to Goldsmith's art is growing nowadays. That is proved by an amount of investigations, dissertations appeared recently. But what concerns the Ukrainian literary studies one must admit a fair and sad conclusion of D Chik that the creative art of Goldsmith has not been yet a special object of investigation in Ukraine. Though his name and his works were always touched upon in the context of many Ukrainian investigations of the literature of the XVIIIth century. The priority of the Dnipro University school of the scholars studying the European literary XVIIIth c. is certain.

The both verses deal with the specific aspect of love located outside the borders of “legalized proprieties” but which are so attractive for the author's attention due to many causes more than any other of the common “morally steadfast plots” about love. The poems are similar in an obvious two-sided depiction, in an exquisite playfulness which attributes them both with the style of rococo. Here the female's or mistress's qualities and properties are praised but they are those which according to the logic of things had to cause only conviction. And thus a demonstrated intention of moralizing turns into joke.

The poems chosen for the analysis embody the author's idea about microcosm of a man's existence where there are its own “crazy laws” and where it is possible to have fun and not to be pessimistic, according to D.Zatonsky's judgment, in one's reflection about “sins of men's attitude to the life”, and where it is possible “to reject decisively regulations and respectability”. All that, without any doubt, made Goldsmith a forerunner of Romanticism. The joking verses about love includes in themselves, as it is seen, much of what goes beyond the borders of the topic chosen by Goldsmith. “A lovely woman” turns out to be a concretized image of a common recognizable man, one of those «good people all of every sort», for whom so often the writer appeals and whom he loves and sympathizes with so much. In investigating the diversity of a man's essence Goldsmith revealed some common rules of existence and in different forms of his art the writer thought about that.

In the paradoxical encounter of the serious and the comic in the plot of the poetic miniatures as well as in the style Goldsmith embodies in his own way his perception and adoption of a human being what he is with all his weak sides and faults. The playful component of the XVIIIth century writers' poetry and Goldsmith poetry included is a sign of a free breathing of a poetic soul which rejects all stereotypes and “rules” as exhausted to the full. The idea of frailty of life and its finiteness no matter how lofty the man's aspirations could be is transformed in the poetry of a great mockingbird. The poems quite contrary are full of life and life-affirming pathos. Not rejecting the very thought about man's mortality Goldsmith calls for a life acceptance in all its appearances. And this call is embodied in the form of a mischievous game. Goldsmith's conversation with his reader at that is a sign of a boiling vital energy.

Key words: rococo, playful component, synthesis, paradox, style contrast

Интерес к автору поэтических миниатюр, анализ которых предложен в статье, заметно возрастает в последние годы, о чем свидетельствует значительное количество исследований последних лет – статей, книг и диссертаций. Из украинских работ упомянем диссертацию Д.Ч. Чик [10]. Тем не менее, следует принять справедливый и грустный вывод украинского исследователя о том, что «творчість О.Голдсмита досі не поставала предметом окремого вивчення в українському літературознавстві»[10, р.4]. Хотя «по касательной» речь о нем всегда идет, когда исследуются явления западноевропейской литературы XVIII века, английской, прежде всего. И тут с гордостью упомяну литературоведческую школу Днепровского национального университета, чьи многолетние и плодотворные исследования литературы XVIII- XVIII вв. известны далеко за пределами ДНУ. Выходцы из этой школы – участники широко известных изданий по XVIII веку, главный редактор которых, доктор филологических наук, профессор МГУ Н.Т.Пахсарьян – воспитанница замечательных педагогов и исследователей кафедры зарубежной литературы ДНУ.

В статье речь идет о двух забавных миниатюрах, связанных неким внутренним сюжетом – «Когда очаровательная женщина предается безрассудству»(When Lovely Woman Stoops to Folly) и «Элегия во славу ее величества женской сексуальности, миссис Блейз»(An Elegy on the Glory of Her Sex, Mrs. Mary Blaize). Первое стихотворение, как помнит читатель «Векфильдского священника», появляется в 24 главе романа («Новые бедствия») как песня Оливии на тему своей несчастной любви; второе – отдельное самостоятельное произведение – было написано и опубликовано в 1759 г. Последующий анализ требует включение подстрочного перевода, т.к. имеющиеся художественные переводы стихотворений и В.Левика, и А.Парина в какой-то мере смещают стилевые и семантические акценты.

When Lovely Woman Stoops to Folly

*When lovely woman stoops to folly,
And finds too late that men betray,
What charm can soothe her melancholy,
What art can wash her guilt away?*

*The only art her quilt to cover,
To hide her shame from every eye,
To give repentance to her lover,
And wring his bosom, is – to die.*

(Когда очаровательная женщина поддается безрассудству
И слишком поздно узнает, что мужчины ее предали,-
Какие чары могут развеять ее печаль,
Какая искусная уловка может смыть с нее вину?
Единственная уловка, которая снимет с нее вину,
Которая прикроет ее позор от взгляда окружающих,

Которая пробудит раскаяние в душе ее возлюбленного
И заставит его сердце терзаться угрызениями совести, это – умереть).

An Elegy on the Glory of Her Sex, Mrs Mary Blaize

*Good people all, with one accord
Lament for Madam Blaize,
Who never wanted a good word,-
From those who spoke her praise.*

*The needy seldom passed her door,
And always found her kind;
She freely lent to all the poor,-
Who left a pledge behind.*

*She strove the neighbourhood to please
With manners wondrous winning;
And never followed wicked ways,-
Unless when she was sinning.*

*At church, in silks and satins new,
With hoop of monstrous size,
She never slumbered in her pew,-
But when she shut her eyes.*

*Her love was sought, I do aver,
By twenty beaux and more;
The king himself has followed her,-
When she has walked before.*

*But now her wealth and finery fled,
Her hangers-on cut short all;
The doctors found, when she was dead,-
Her last disorder mortal.*

*Let us lament in sorrow sore,
For Kent Street well may say
That had she lived a twelvemonth more,-
She had not died today.*

(Добрые люди единодушно
Оплакивают мадам Блейз,
Которая никогда не ждала доброго слова
От тех, кто ее восхвалял.

Нуждающиеся редко проходили мимо ее дверей,
И всегда она была к ним добра.
Она легко давала займы бедным,- тем,
Кто не забывал оставить залог.

Она стремилась угодить соседям
Своими подкупающими манерами
И никогда не шла порочными путями,-
Лишь только, когда грешила.

В церкви, разодетая в шелка и атласы,
В неимоверной юбке с кринолином
Она никогда не дремала, сидя на церковной скамье,-
Лишь только, когда закрывала глаза.

Ее любви, уж поверьте мне, помогались
Двадцать и более щеголей.
И даже сам король устремлялся за ней вслед,
Когда она проходила перед ним.

Но теперь ее благополучие и пышность испарились,
Все ее воздыхатели исчезли.
А доктор установил, когда она умерла,
Что последняя ее болезнь была смертельной.

Давайте же оплачем ее с горечью и глубокой печалью,
Ведь все с Кент-стрит скажут, будьте уверены,
Что если б она прожила еще 12 месяцев,
То уж сегодня она бы не умерла)³.

Оба стихотворения, как видно, обыгрывают ту специфичную сторону любви, которая находится за рамками «узаконенных» приличий, но привлекает поэта по многим причинам гораздо больше, чем любой из привычных «нравственно-выдержанных» любовных сюжетов. Схожесть стихотворений и в очевидной двупланности изображения, изысканной игривости, которая сближает их манеру с рокайльной стилистикой[1, с.10]. Здесь восхваляются те качества и свойства женщины, возлюбленной, которые по логике вещей должны были бы вызвать осуждение, а видимая интенция назидания преобразуется в шутку. Нетрудно заметить своеобразие манеры Голдсмита в «смещении разного», в изображении человека в его разнообразных проявлениях, т.е. в том синтезе разного, который исследователи творчества Голдсмита последних лет и определяют как его новаторство[5]. Хотя это новаторство отмечали довольно рано, уже в XIX веке[4], традиционное и, в какой-то мере, стереотипное закрепление творчества писателей ХУ111 века за литературными направлениями мешало увидеть сложность и неоднозначность такого «распределения». Стереотипы в восприятии литературы ХУ111 века были сломаны не так давно, благодаря усилиям и днепровской школы исследователей. Свой взгляд на образ этой эпохи дала со всей убедительностью Н.Т.Пахсарьян в известной сегодня статье «Ирония судьбы»

века Просвещения: обновленная литературы или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»? [7, с.69 – 117]

Героиней предлагаемых для анализа стихотворений Голдсмита, как и всей его поэзии на тему любви, становится некая «lovely woman», очаровательная женщина, чье сердце и ум так легко склоняются к «заблуждениям», так легко «поддаются безрассудству». Такой «очаровательной женщиной» может быть и одна из «пристойного» сословия, как Софья и Оливия Примроуз, и женщина «свободных нравов», буквально проститутка, некая Айрис с Бау-стрит (стихотворение “To Iris, in Bow Street, Convent Garden”). Она по-королевски неприступна и сама решает, кого одарить своей благосклонностью, отчего ее воздыхатели, посылая в сердцах капризную даму “to the devil”, пребывают в отчаянии. Эта Айрис вызывающе соблазнительна, ее божественные чары излучают сияние (“every charm divine... all-commanding shine”), которому покоряются все. Даже Юпитер не может перед ними устоять – “...even Jove was taken in/and felt her charms, without disguise within” (стихотворение «On Seeing Mrs.*** Perform in the Character of ***»). Однако «очаровательная женщина» знает себе цену, она может поманить своими прелестями, но сохранить «суверенитет» – “For though she gives me up her breast/Its panting tenant is not mine”(стихотворение “Translation of a South American Ode”). Одновременно жеманница может быть девственно чиста, застенчива, стыдлива. Такова некая Майра (Myra – ирландский вариант имени Мария) из стихотворения “A Sonnet”, которая охвачена ужасом по поводу необходимости выполнения супружеского долга со своим новоиспеченным супругом. На это у ироничного и проницательного повествователя есть свое суждение: если бы ему было дано хорошенько подучить Майру, навряд ли у нее в дальнейшем появились бы поводы для подобных страхов (“had Myra followed my direction/She long has wanted cause to fear”).

Как видно, в образе “lovely woman” совмещены узнаваемые варианты женской натуры в их естественном проявлении, в непредсказуемом сочетании инстинктивно-импульсивного и осмысленного, продиктованного условностями социальной морали. Женщина, «поддавшаяся безрассудству», предстает как вариант столь привлекательного сердцу Голдсмита человека такого, какой он есть, а не такого, каким его хотят видеть моралисты и логики. Последние, в понимании писателя, серьезно ошибаются, воспринимая человеческую природу как рационально устроенную (“Logicians have but ill defin’d/ As rational, the human kind”, “The Logicians Refuted”), ведь человеку свойственно быть слабым и ошибаться (“...both a weak and erring creature”, “The Logicians Refuted”), а инстинкты иногда оказываются более надежными ориентирами, чем хвастливый разум (“...instinct is a surer guide/Than reason- boasting mortal pride”, “The Logicians Refuted”).

Снисходительная позиция Голдсмита к слабостям человеческой природы и определяет его отношение к той “lovely woman”, о которой он ведет речь в стихотворении “When Lovely Woman Stoops to Folly”.

Оксюморонная «встреча» “lovely woman” и “folly” с широким диапазоном интерпретации смысла последнего понятия (это и «причуда», и «каприз», и

«грех», «преступление») позволяет играть этими смыслами в тексте, переключая их в разные стилевые регистры.

Итак, «очаровательная женщина» «оступилась» и осознала, что сотворила нечто «недозволенное», греховное. Но не ее «грех», не ее «проступок» вызывают осуждение у поэта, а неблагоприятная ситуация, созданная «предательством мужчин», о котором стало известно «слишком поздно». Хотя «проступок» и назван «виной», «позором», не на нем сконцентрировано внимание, а на том, какое искусство (art), уловку надо применить, чтобы эту ситуацию гармонизировать. Развивая буквальное значение существительного “art” – искусство, лицедейство, представление, Голдсмит и опробывает одну из возможных театральных «уловок», привычных для завсегдатаев тогдашних постановок, он предлагает «логичную» драматическую кульминацию с «очищающим» эффектом – смертью несчастной героини. Но это логика идеализируемой или драматизируемой модели бытия, а не реальной жизни с ее естественным течением, с ежедневными рутинными «промахами», которые иногда остаются и не замеченными окружающими.

“To die” – «умереть» – контрапункт стихотворения, его кульминация, обнажающая игрово-пародийный замысел, где сталкиваются театральность и естественность, показушность и искренность в сути человека, реальная жизнь и ее имитация, превращающая жизнь в фарс. Продолжение этого фарса находим в «Элегии во славу ее величества женской сексуальности, миссис Мери Блейз». Здесь «очаровательная женщина» представлена в лучах своей уже посмертной славы, а игровая манера обнажается сразу же в парадоксальном переосмыслении самой жанровой формы. Элегия – жалобная песнь – оказывается «песней во славу» и, к тому же, «ее величества секса»! Это важное уточнение было изъято из названия стихотворения в русском переводе, включенного в антологию ирландского юмора [12, P.55].

Советский «синдром Альхена» допускал только стыдливо-укороченный вариант – “Mrs Mary Blaze”. Да и современный перевод А.Парина тоже желает лучшего – «Элегия на смерть красы слабого пола госпожи Блейз» [3]. Между тем, эротический момент имеет принципиальное значение в поэтике и семантике элегии. Прежде всего, он определяет характер литературной полемики с создателями подобного жанра: здесь у Голдсмита, как и в других его шуточных элегиях [8, С.81-89.], не совсем «тот» объект, который должен вызывать элегические чувства. Необычна и жанровая форма повествования: в ней, как и в лириках, есть заключительные фразы-перевертыши, меняющие смысл на противоположный, превращающие элегическую чувствительность в пародию. На манер своих соотечественников- юмористов Голдсмит атакует «назидательную, постную пуританскую литературу», проявляя в своем творчестве свойства национальной юмористической литературы – «неукротимую фантазию, причудливое сочетание патетики и иронии» [6, p.10].

В элегии о символе женской сексуальности, миссис Блейз, игровая манера, как и в первом стихотворении об «очаровательной женщине», задана оксюморонной встречей высокого и низкого, «ее величества» и «секса», омонимичной игрой смыслов имени “blaise – blaze” («блеск», «великолепие»),

высмеиванием напыщенных, перегруженных эпитетами поэтических произведений «в духе «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея». Но Голдсмит пародирует не только стилистику известной кладбищенской поэзии, но «бьет» по ее сути, философии, в блестящей шутливой манере находя свои аргументы в защиту иных жизнестроительных принципов. И как скажет о писателе С.Джонсон, «...Когда он не пишет, нет его глупее; когда же он берется за перо – это самый умный человек на свете»[9, . с.104].

Слава миссис Блейз – слава чувственной любви, воспринятой не как порок, требующий однозначного осуждения, а как естественное свойство человека, имеющее двойственную характеристику. Это может быть проявлением и его, человека, слабости, и примечательного дара («конька», по-стерновски), ничуть не противоречащего наличию в нем «установленных» моралью общества добродетелей. Их полный «репертуар» намеренно перечислен в характеристике миссис Блейз: она добра, помогает бедным, ссужает деньгами нуждающихся, набожна. Чего же боле? Этот вопрос, хотя и остается в подтексте, очевиден в гипертрофированной манере Голдсмита соблюсти чистоту «цензурного» отбора имеющих у «очаровательной женщины» добродетелей. На их фоне должны померкнуть для строгих блюстителей нравственности все «маленькие слабости», о снисхождении к которым и призывает поэт («*Нет такого нелепого заблуждения, которое не нашло бы своего защитника*», – скажет он в одном из своих афоризмов и не раз выскажется по поводу необходимости держать стража для «добродетели, нуждающейся в постоянной охране»[2, с. 47]). Особый стилистический рисунок куплетов воплощает эту основную идею стихотворения. Завершающие фразы каждый раз дают своеобразное «уточнение» очередной добродетели:

She never slumber'd in her pew

But when she shut her eyes

(Она никогда не дремала, сидя на церковной скамье,
Лишь только, когда закрывала глаза)

Шутливые стихотворения на тему любви вмещают в себя, как видим, многое, что далеко выходит за рамки избранной Голдсмитом тематики. «Очаровательная женщина» оказывается конкретизированным образом обычного узнаваемого человека, одного из тех «good people all of every sort», к которым так часто апеллирует писатель и которых так любит и жалеет. В открытии многообразия составляющих сущности человека Голдсмит видел некие общие закономерности бытия и в разных формах размышлял об этом в художественном творчестве.

Поэзия Голдсмита на тему любви – знак снятия пафосной тенденции, имеющей место, думаю, в любом «срезе» истории литературы и в творчестве любого писателя, откликнувшегося на главные идеи своего времени и ставшего заложником этих идей. «Легкость», вольный экспромт, игровое начало – все это суть свободного дыхания поэтической души, проявление того безусловного личностного начала, которое У.Эко связывает с «открытым» творчеством и «открытым произведением»[11, с.35].

Переводы стихотворений Голдсмита в версии автора статьи

Прوماхи очаровательной дамы

Очаровательная дама,
Узнавши об измене ей,
Не исказит в печальной драме
Изгиб насурьмленных бровей

И колкость сможет не заметить,
Сумеет взгляды всех презреть.
Но, чтоб изменнику ответить
Придется все же умереть

Элегия во славу ее величества женской сексуальности, миссис Блейз

В единодушье добрый люд
О миссис Блейз скорбит.
Теперь и тот, кто к ней был лют,
Хвалить ее спешит.

Ждала, как скажут, у дверей
Пришедших на порог.
И подавала, если ей
Оставлен был залог.

К соседям с ласкою всегда.
Стать праведной решив,
Грех на душу брала она,
Лишь только согрешив.

Хоть в церкви кринолина круг
Мешал свершить поклон,
Речам внимала, если вдруг
Не погружалась в сон.

В любви клялись ей (мне поверь!)
Немалый строй юнцов.
Там был и сам король (проверь!)
Средь этих молодых.

Но вот утихло все вокруг,
Прошла любви пора.

«Последний смертным был недуг»,-
Твердили доктора.

Ей воздадим теперь сполна,
Хоть я и не слезлив!
Блейз Мэри год еще б жила,
Будь наш покойник жив!

Бібліографічні посилання

1. Алилова Дж.Г.. Поэзия Оливера Голдсмита (проблемы метода и жанра). Автореферат канд. дис. Л., 1991. – 15 с.
2. Голдсмит, Оливер. Векфильдский священник. М.: ГИХЛ. – 232 с.
3. Голдсмит, Оливер. Стихи [Электронный ресурс]:[Режим доступа]: http://www.kulichki.net/moshkow/INPROZ/GOLDSMIT/goldsmith1_1.txt
4. Евсеева И.С. Рецепция творчества Оливера Голдсмита в конце ХУ11- первой трети Х1Х века в России. Автореферат к.филолог. наук, Томск, 2011 [Электронный ресурс]:[Режим доступа]: (www.dissercat.com/content/retsepsiya-tvorchestva-olivera-goldsmita-v-kontse-XVIII-pervoi-treti-XIX-veka-v-rossii)
5. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. Баллада Оливера Голдсмита «Эдвин и Анжелика» в творческой интерпретации В.А.Жуковского. Сайт Психология человека. Филология. 2012. [Электронный ресурс]:[Режим доступа]: (<https://psibook.com/literatura/ballada-olivera-goldsita-edvin-i-anzhelika-v-tvorcheskoy-interpretatsii-v-a-zhukovskogo.html>)
6. Ливергарт А. О пользе смеха//The Importance of Being Witty. Юмор и сатира Ирландии М.:Радуга, 1986. – С. 9 – 29.
7. Пахсарьян Н.Т.«Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литературы или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого»?// Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 –2000. М.: Высшая школа, 2001. – С. 69 –117.
8. Потницева Т.Н. «Лики Протея в английской поэзии ХУ111 в. на тему смерти//ХУ111 век: судьбы поэзии в эпоху прозы. М., 2001. – 199 с.
9. Суэта суэт. Пятсот лет английского афоризма. М.,»Руссика», 1996. . – 304 с.
10. Чик Д.Ч. Проза Квітки-Основ'яненко і англійський сентименталізм. Автореферат дисертації кандидата філол. наук, Тернопіль, 2008. . – 20 с.
11. Эко, Умберто. Открытое произведение. Санкт-Петербур: Академический проект., 2004. . – 384 с.
13. The Importance of Being Witty. The Book of Irish Humour. Юмор и сатира Ирландии М.:Радуга, 1986. – 396 с.

References

- Alilova J.G. (1991) *Poeziya Goldsmita (problemi metoda i zhanra)*. [aftoreferat cand. dissertatsiji]. Leningrad, – 15 p.
- Chik D.Ch.(2008) *Proza Kvitki-Osnov'janenko i anglijs'kij sentimentalizm*[aftoreferat cand. dissertatsii], Ternopil,- 20 p.
- Eco Umberto (2004) *Otkritoje proizvedenije*. Sankt-Peterburg, Akademicheskij project – 384 p.
- Evsejeva I.S. (2011) *Rezepzija tvorchestva Olivera Goldsmitha v kontekste XVII veka v Rossii*. [aftoreferat candid. dissertatsii]. Tomsk Available at: (www.dissercat.com/content/retsepsiya-tvorchestva-olivera-goldsmita-v-kontse-XVIII-pervoi-treti-XIX-veka-v-rossii)(accessed March,3)

Goldsmith, Oliver. Vekfieldskiy svyashchennik. Moscow, GIHL. – 232 p.

Goldsmith, Oliver *Poems,* Available at: [http://www.kulichki.net/moshkow/INPROZ/GOLDSMIT/goldsmithl_1.txt] (accessed March,3)

Livergart A. *O pol'zje smeha [The Importance of Being Witty. Jumor I satira Irlandiji],* Moscow, Raduga, – P. 9 – 29.

Pakhsar'jan N.T.(2001) “Ironija sud'bi “ veka Prosveschenija: obnovlennaja literature ili literatura, demonstrirujuschaja “ischerpannost' starogo? [Zarubezchnaja literature vtorogo tisjacheletija:1000- 2000], Moscow, Vishshaja shkola.– P. 69 –117.

Potnitseva T.N.(2001) “Liki Proteja v anglijskoj poezii XVIII veka na temu smerti [[XYIII vek: sud'bi poeziji v epohu prozi], MGU. – 199 p.

Sujeta sujet. Pjat'sot let anglijskogo aforizma (1996), Moscow, Russika, – 304 c.

The Importance of Being Witty. The Book of Irish Humour. (1986), Moscow, – 396 c.

Zhatkin D.N., Jashina T.A.(2012). *Ballada Olivera Goldsmita “Edwin i Angelika” v tvorcheskoj interpretazii V.A,Zhukovskogo,[Sait Psihologija cheloveka, Philologija]* Available at: (<https://psibook.com/literatura/ballada-olivera-goldsita-edvin-i-anzhelika-v-tvorcheskoy-interpretasii-v-a-zhukovskogo.html>) (accessed March,3).

Надійшло до редколегії 07.03.2019